

Заглавие статьи	13 ступеней Лилии Черняк
Автор(ы)	Ю. Н. ШЕМЕЛИН
Источник	Латинская Америка, № 1, Январь 2009, С. 98-102
Рубрика	• РАЗМЫШЛЯЯ О ПРОЧИТАННОМ
Место издания	Москва, Российская Федерация
Объем	12.9 Kbytes
Количество слов	1760
Постоянный адрес статьи	http://dlib.eastview.com/browse/doc/19629676

13 ступеней Лилии Черняк

Автор: Ю. Н. ШЕМЕЛИН

LiCher. Nada personal. Panama, 2006, 51 p.

Поэтесса Лилия Черняк, живущая в Панаме, издала первую книгу своих стихов на русском и испанском языках и фотографий к ним. В стихах Лилии отражается ее нелегкий путь эмигранта, творческий выбор ее позиции в искусстве.

Ключевые слова: Конгресс русских общин, русская культура в Панаме, творческий поиск, патриотизм.

Лилия Дмитриевна Черняк родилась в Калининграде. Филолог, специалист по германской культуре, преподаватель, переводчик, поэтесса и искусствовед. Будучи студенткой филологического факультета (отделение германистики) Калининградского государственного университета им. Канта была участницей ряда международных молодежных встреч и фестивалей, проводившихся в СССР и за рубежом. Окончив университет и выйдя замуж: за иностранца, уехала с мужем сначала в Колумбию, а затем в Панаму, где и живет в настоящее время.

В Панаме в течение многих лет Л. Черняк работала в различных образовательных учреждениях и центрах преподавателем немецкого языка, принимала участие в реализации издательских, театральных и кинематографических проектов в Панаме, Германии и Италии. В настоящее время работает в панамском представительстве фонда экономического сотрудничества Фридриха Эберта, является вице-президентом созданного в 2003 г. Анной Николаевной Гончаровой в Панаме Общества российской культуры. Вместе с Даной Браздионайте-Гондола и Натальей Пичугиной входила в состав панамской делегации, принимавшей участие в работе состоявшегося в конце октября 2008 г. в Москве очередного Конгресса соотечественников, живущих за рубежом. 5 ноября в актовом зале Российского государственного гуманитарного университета при содействии посольства Панамы в России состоялась презентация ее книги-альбома фотографий и стихов на испанском и русском языках "Nada personal".

Рискую повториться, но читая и перечитывая эту книжку стихов Л. Черняк, я всякий раз видел перед собой образ нежного листочка березы, еще зеленым оторвавшегося от дерева и летящего куда-то вдаль, за море, горы и никак не находящего пристанища, успокоения в своем долгом и трудном поиске места, куда он, этот листочек, мог бы

надежно и окончательно приземлиться.

Много таких листочков, оторвавшихся от огромного и, казалось бы, прочно стоявшего тогда многонационального древа нашей могучей державы - Советского Союза, живут теперь в других странах далеко от своих родных, близких и бывшей общей земли нашей. Некоторые из них живут в

стр. 98

Панаме, и я хорошо знал и знаю многих. И умершего в 2006 г. известного в мире предпринимателя Льва Иосифовича Родина вместе с десятками работавших на его фирме и торговавших нашими автомобилями "Лада" русских сотрудников, и успешного молодого русского бизнесмена воронежца Алексея Воротникова, и известного благодаря очеркам и книге Александра Чернова уже 90-летнего белоэмигранта Павла Владимировича Ульянцева (внука Пржевальского), построившего в Панаме в горах, засаженных им же карибскими соснами, первый русский православный приход-часовню; и скромную обаятельную Наташу Пичугину - бывшую журналистку "Комсомолки", известную в Панаме как автор тонких зарисовок панамской жизни эмигрантов из России с ее поэтической, изданной в Панаме и Нью-Йорке книжкой рассказов "Тушино из окна моей любви"; и Людмилу Исакову - официального переводчика МИД Панамы и неизменную помощницу российских компаний на ежегодных международных выставках "ЭКСПОКОМЕР", и многих, многих других, не затерявшихся в их новой заграничной жизни благодаря воспитанию и уникальному образованию, полученному в основном на Родине, - в семьях, школах и вузах. Они, конечно, разные, наши соотечественники, а их лишь в Панаме около 500 человек, но все они объединены, как мне кажется, желанием не только побольше знать о жизни в России, но и сделать что-то для своей далекой, теперь заокеанской Родины, олицетворением которой для многих из них отныне стала Россия, даже если раньше они жили на Украине, в Белоруссии, Литве или Грузии.

Все это можно отнести и к Л. Черняк, взявшей в Панаме поэтический псевдоним LiCher, о книге стихов которой я хочу попытаться кратко рассказать читателям журнала. Книжка содержит всего 13, но, вероятно, главных для Лилии стихотворений, 12 из которых имеют русский авторский перевод. Кроме того, в ней 40 фотографий - иллюстраций к стихам. Сразу соглашусь с автором предисловия к сборнику, написанного панамской поэтессой Мирейей Эрнандес. Соглашусь в том, что прекрасные, глубоко личные и искренние стихотворные строки, объединены под названием "Nada personal" ("Ничего личного") не ошибочно, а видимо в попытке Лилии обобщить и как бы космополитизировать свое творчество, выйти за пределы своего "я" и своей судьбы. Однако это, по моему мнению, поэтессе все же не удалось. Да и нужно ли? А то, что в сборнике много личного - от философских обобщений в стихах до фотографии мамы, - наоборот, весьма ценно и свидетельствует именно об искренности автора и ее стремлении донести до читателя свои представления о жизни, сомнения, надежды. Половина всех фотографий сборника сделаны во Львове и в род-

стр. 99

ном селенье Федерки, а это не что иное, как личный взгляд через объектив и очень личные боль и радость.

Стихи Лилии наполнены сомнениями и поисками ответов на главные вопросы бытия, и это очень женские и одновременно очень русские, толстовские поиски сути и целей

человеческой жизни, так кратко и полно обобщенные в приведенных на последней странице сборника вопросах Пьера Безухова. Здесь личное Л. Черняк сливается с мучительным поиском великого русского классика вселенского масштаба: "Что дурно? Что хорошо? Что надо любить? Что ненавидеть? Для чего жить, и что такое я? Что такое жизнь? Какая сила управляет всем?". Лилия ищет в своих стихах ответы. Находит ли их? "Она мысленно идет по земным параллелям через вершину мира, - считает Мирейя Эрнандес, - чтобы найти их "там в Зазеркалье", в выдуманной Льюисом Кэрроллом для его Алисы стране чудес. Что ж, довольно образно. Но я думаю иначе. Лилия на самом деле знает, догадывается, что ответы на мучающие ее вопросы она должна найти здесь, в реальной жизни, где надо упорно работать, идти вперед по дороге, не "уподобляясь лежачему камню". "Ибо тот, кто боится, что сожжет на жизненном пути свои крылья, просто никогда их и не имел..." , - пишет она.

Но это она скажет в последнем, тринадцатом стихотворении, а все свои мучительные поиски, грусть, сомнения, так тонко иллюстрированные фотографиями, она предлагает пережить читателю вместе с ней, как бы поднимаясь по ступенькам лестницы своих поэтических исканий с первой страницы до последней, тринадцатой, подводящей своеобразный итог.

Безысходностью, ненужностью и никчемностью бытия буквально заполнены все первые шесть стихотворений сборника. Вот в миниатюре "Imageries y pensamientos" она отказывается жить, "идя по кругу", в "Qui-siera ser" хочет превратиться в облако, водопад, космическую пыль, "до рассвета в обнимку с Луной постоять", а "насмотревшись на закаты, найти себя ипотерять". В следующих за этим стихах она утверждает, что растеряла себя в других, изменила своей мечте ("Tregua"), и вычеркнув сомнения, забыв расправленные когда-то крылья, считает погранные (кем?) идеалы не смертельным исходом и отдает "чужим без сожаленья и свою божью искру, как ненужный груз" ("Peregrino").

Дальше - еще печальнее. Трагичность бытия буквально обволакивает читателя и повергает его вместе с автором в обстановку тотальной грусти в стихотворении "Gente requeena", которое Лиля смело прочла по-русски на презентации в как-то сразу скорбно притихшем зале:

Жалкие люди. Жалкие страсти.
Жалкие цели. Жалкое счастье.
И каждый достоин того, что имеет.

Ненастные дни, страшные ночи.
Внутренний голос что-то бормочет.
Но нам не досуг разбираться с собой.
Пришло и ушло. И мы за чертой.
Нас больше нет.

А что благодарность, радость встреч,
Счастье свершений, горечь потерь?
Вспыхнула искра не сумев разгореться.
Пепел душевный не воспламенится.
Крылья не вырастут. Память забудет.
Нас уже нет и больше не будет.

Это о ком? Об эмигрантах вдали от Родины? Вообще о неудачниках и потерявших себя в бесплодных поисках счастья товарищах по несчастью? Или о нас? И обо всех, кто изображен на фотографиях? О маме Лилии - труженице Ларисе Черняк, живущей теперь под Львовом и снятой на фоне высокой стены из созревающей кукурузы? О пенсионерах, играющих в шахматы на тенистом бульваре Львова? О бастующих служащих бара в Нью-Йорке? О прохожем итальянце из Перуджи, идущем под дождем к своей цели? Вероятно, и о них. И как бы вдруг, обернувшись, Лилия видит, что всем этим людям нужно другое. Им нужны надежда, силы для работы и борьбы, чтобы надежда стала явью. И это нужно и самой Лилии, чтобы жить и творить дальше. И пройдя эти 12 ступенек своих стихов и фотографий через тупики завалов и перевалы сомнений, разочарований и грусти, она завершает книгу блестящим, на мой взгляд, стихотворением "Me encomiendo a la vida", оригинальный текст которого мне хочется привести здесь полностью:

Me encomiendo a la vida
con una gota de entusiasmo
en el desierto de mi alma
que me hace sentir libre
de ser o no ser feliz.

Creo en el destino
que me lleva en su carruaje
por mundos que no conozco.

No importa si a veces pienso
que somos nadie del pais nunca.
Quien tiene miedo que se le quemem las alas,
tal vez, nunca las ha tenido.

Это стихотворение, заголовок которого вполне можно перевести на русский как "Я люблю тебя, жизнь", несет в себе заряд известной советской песни на стихи Е. Евтушенко. Строки этого своего творения поэтесса достаточно вольно (и неслучайно!) перевела на русский с еще большим, чем в испанском изложении, оптимизмом и верой в свои силы:

Пусть не дано преодолеть мне черту отмерянных высот.

Пусть я обрушусь с высоты.
Пусть боги усмехнутся на досуге.
Лишь под лежащий камень не течет вода.
Идущий обретет в дороге.

стр. 101

Л. Черняк обрела в этой дороге через сомнения, горечь потерь и разочарования не только собственные силы и веру в лучшее будущее. Она обрела в Панаме, Украине, а теперь и в России и новых друзей, прочитавших ее стихи и поверивших ей.

Выстраданный оптимизм поэтессы сейчас как бы только созрел, а прожитые годы и опыт позволяют попробовать пойти и дальше. И я не о поэтическом мастерстве, хотя очень часто труд и преодоления помогают в поисках выхода. Я о неизбежной необходимости для каждого честного писателя, поэта, режиссера (к сожалению!) журналиста иметь определенную, выстраданную и понятную читателю жизненную позицию по ключевым, как говорят в народе, "вопросам современности". "С кем вы, мастера культуры?", - грозно спрашивал когда-то Максим Горький. И это было правильно, потому что время было такое - суровое предвоенное время страны, окруженной врагами. Мне кажется, что и сейчас, в эпоху обострения глобальных проблем, судьбоносных для огромного большинства людей, каждый мастер пера, так или иначе пишущий для них, а не для себя, а Л. Черняк, безусловно, относится к таким мастерам, должен занять какую-то пусть поэтическую, но позицию. Хотя бы подобную той, которую занимает один из любимых мной латиноамериканских поэтов Марио Бенедетти:

Defender la alegria como una trinchera
Defender del caos y de las pesadillas
Defender la alegria como un estandarte
Defender del rayo y de melancolia.

Я защищаю радость бытия,
Я побеждаю страх, хаос, предчувствий груз.
С утра и до утра в этом окопе
Стреляю в эти призраки ночные,
Стреляю в свою утреннюю грусть...

(Перевод автора рецензии)

Лилия Дмитриевна Черняк приехала в Москву на конгресс вовсе не из страны "de pipса". Много путешествовать по миру совсем не значит быть космополитом. Ее поиски, находки и вера близки сегодня нам, и мы будем ждать новых стихотворений и книг, написанных с позиций человека и поэта, идущего по дороге добра, любви к людям и к большей справедливости в мире. Успехов тебе, Лилия! Ты приземлилась правильно!

постоянный адрес статьи: <http://dlib.eastview.com/browse/doc/19629676>